

А. В. Успенская¹РОССИЯ И ЗАПАД: ОПЫТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
НА ПУТИ К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

В последние десятилетия, после развала Советского Союза, а с ним и биполярного мира, поддерживавшего стабильность взаимной угрозой применения ядерного оружия, термин «многополярный мир» становится все актуальнее. Стремление США и примкнувшего к ним вплоть до потери субъектности Евросоюза к единоличному господству в мире все чаще наталкивается на сопротивление других народов, не желающих смириться с ролью второстепенных наций, обитателей «дикого леса, джунглей», как выразился Ж. Боррель. Однако серьезный, принципиальный вызов миру, основанному на западных «правилах», в настоящее время оказалась способна бросить только Россия. Именно она могла бы стать одним из центров многополярного мира, основанного на уважении прав и интересов самых разных народов, от малых до великих. Но чтобы понять, каким полюсом нам предстоит стать в мировой архитектонике, каковы будут его идеологические, этические параметры, необходимо выработать ответы на некоторые вопросы. Кто мы? Что новая, постсоветская Россия представляет собой, каковы ее отличия от Запада, способны ли мы предложить свой путь в будущее, избежать ошибок Запада?

Чтобы это понять, стоит проследить общее направление отношений России и Запада. В современной ситуации разрыв с Западом вызвал к жизни идею евразийства, давно существовавшую в русской культуре, но долго признававшуюся маргинальной². Но если под евразийством следует понимать не географическую, а ментальную и культурную принадлежность России к Западу и Востоку одновременно, то эта идея многим представляется сомнительной в силу механического соединения двух типов цивилизации. Простой житейский пример подтверждает это. Если жителю России сказать «ты не азиат», онотреагирует равнодушно. Если же сказать «ты не европеец», это спровоцирует ощущение обиды. В подтверждение этой мысли стоит

обратиться к русской классике. Знаменитое стихотворение А. Блока «Скифы», казалось бы, исполнено «евразийства»:

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Однако в контексте стихотворения эта цитата обретает другой смысл и выглядит как экспрессивная гипербола. А вот строки, обращенные к европейцам, которые потрясли своей точностью в начале XX столетия, а в наше время приобретают просто необычайную актуальность. Блок, переживший Первую мировую войну, видевший и агрессию Германии и Австро-Венгрии, и предательское поведение союзников России, прекрасно осознавая ввешую за века русофобию европейцев, все же именно к Западу, а не к Востоку обращается со словами восхищения и любви:

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью и с любовью!.. <...>

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Если же Запад откажется протянуть нам руку мира, мы угрожаем не агрессией, не захватом, но мрачным нейтралитетом, когда некая «третья сила», новый «свиный гунн» придет из глубины Азии и учинит на Западе разорение. Перед лицом этой еще неведомой угрозы Блок призывает сплотиться, отбросить привычное вероломство:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

Как бы ни были глубоки нынешние противоречия между Россией и Западом, мы ощущаем некое единство. Оно обеспечивается прежде всего единым цивилизационным фундаментом — культурой Античности. Впрочем, стоит помнить, что сама Античность, доставшаяся нам в наследство, неоднородна. Запад получил свою цивилизацию от рухнувшего и дискредитированного себя Рима, мы — от крепко стоящей и во многом процветающей Византии, где было гораздо сильнее выражено греческое начало. Греки и римляне, пусть и объединенные в Римской империи, были разными народами, являя разный тип отношения к миру. Сами римляне рефлексировали по поводу своей роли в построении мировой цивилизации: «Греки дали миру культуру, а римляне — дороги и законы». Таким образом, невозможно забыть единый корень нашей и западной цивилизации, но стоит и осознавать различия.

¹ Ведущий профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: монографий «Антологическая поэзия А. А. Фета», «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература. Мотивы. Образы. Идеи», «Ленинградская проза 1960–1970-х годов» (в соавт.) и др.; учебника «Конфликтология духовной сферы» (в соавт.); статей: «Мережковский и Набоков», «Dekadenz und Klassik: Dmitri Mereschkowskis Übersetzungen der griechischen Tragödien», «Аполлон — победитель Пифона: идеи Винкельмана в поэзии и публицистике А. А. Фета», «Эсхатологические сценарии русской цивилизации в современной антиутопии», «Фет и Булгаков: Тема смерти и поэтического бессмертия», «Проза Бориса Васильева» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетным знаком Российского профсоюза работников культуры, Почетный профессор СПбГУП.

² Основу идеологии евразийства заложили русские мыслители XIX века (см.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991; *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. М.: АСТ, 2007). Одним из главных современных адептов евразийства является А. Дугин (см.: *Дугин А. Г.* Основы евразийства. М., 2002; *Он же.* Проект «Евразия». М., 2004 и др.).

Несколько последних веков Россия смотрела на Запад с неубывающим интересом, чувствовала свое родство с ним, несмотря на то, что нередко испытывала обиду, натянулась на неприятие и агрессию. Древняя Русь отражала набеги немцев, шведов, ляхов, но Анна Ярославна стала королевой Франции, Софья Палеолог — женой Ивана III, Иван Грозный собирался жениться на английской королеве. При этом Древняя Русь, как представляется, была лишена комплекса неполноценности в отношении Запада, возможно, в силу недостатка сведений, но, что более важно, — ощущая свое идейное и культурное единство, целостность и значимость своего существования. Русь была просто *другая*. Что же касается веры, то русские ощущали свое первородство; уникальность нашей веры подчеркивалась самим названием — «православная», то есть истинно христианская.

Перелом наступил в эпоху Петра I. Россия стала «догоняющей цивилизацией». Достижения Запада оказались востребованы в военном, экономическом, культурном плане. Петр жадно впитывал опыт Голландии и Англии, вступил в дружеские отношения с крупнейшим реформатором английской державы Вильгельмом Оранским. Оспаривать или зачеркивать деяния Петра могут лишь крайне неосведомленные люди. В условиях постоянной агрессии наших ближайших соседей Швеции и Польши, и в то же время персидского, тюркского и монгольского давления с Востока и Юга ускоренная вестернизация была, вероятно, единственным путем спасения страны. Наши крупнейшие ученые (например, А. Панченко¹) доказали, что вся деятельность Петра вытекает из потребностей России, отчетливо проявившихся еще в XVII веке. Россия и после смерти Петра не отказалась от его идей и продолжала идти по проложенному им пути, и это свидетельствует о том, что такой путь был необходимым, имманентно присущим России.

Но положение все время отстающего и догоняющего Запад государства не могло не отразиться на идеологии элиты. Естественный, постепенный путь развития представал недопустимой медлительностью, чуть ли не экзистенциальной угрозой самому существованию страны. Мысль, что Россия — не Европа (или не совсем Европа), становилась нравственной травмой для нарождающейся русской интеллигенции. И это травмированное сознание стало порождать фантомы. Отношение к Западу уже во второй половине XVIII века приобрело болезненный характер. Элита все активнее обращала взгляд на Запад, жаждала приобщиться к «западным ценностям». Крайним выражением этой ускоренной вестернизации стал отказ высших слоев общества от русского языка, что выдавало наш неопитский, в чем-то инфантильный характер овладения западной культурой. Французская речь становилась маркером принадлежности к сословию аристократии, притом что страна не только не была завоевана (как, например, это произошло с Британией, завоеванной норманнами в 1066 г.), но, напротив, в начале XIX века одержала блистательную победу над Францией. Чужеземный французский язык становится средством не толь-

¹ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984.

ко светского, но и домашнего общения у большинства дворян, что невозможно было бы представить ни в одной культурной европейской стране. «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалась с трудом на языке своем родном», — писал Пушкин о Татьяне Лариной.

Лучшие умы России прекрасно видели порочность этой тенденции. Сам Пушкин энергично противился такого рода нелепому франкофильству и писал письма жене на прекрасном русском разговорном языке. Гоголь немало иронизировал над нашим скороспелым западничеством, выражавшимся в том числе и в повальном увлечении античной культурой, часто воспринимаемой через западные образцы, бездумно и порой просто нелепо². В статье «Ал-Мамун» (сборник «Арабески», 1835) он, ссылаясь на историю царства Гарун-аль-Рашида и Аль-Мамуна, прямо предостерегал от механического восприятия идей Запада, которое может стать разрушительным для страны. Л. Толстой, принадлежавший к высшей российской аристократии, в начале романа «Война и мир» гротескно изобразил русскую знать, уже во время войны с Наполеоном полностью погруженную в галломанию и пренебрегающую родной культурой.

Отношения России и Запада, сложившиеся в XVIII веке как культурно неравноправные, породили раскол в рядах интеллектуальной элиты. Уже в конце XVIII века возникло два радикальных течения общественной мысли, которые окончательно оформились несколько десятилетий спустя. Их приверженцы именовались «западниками» и «славянофилами». У западников главенствовали две противоположные идеи (нередко воспринимаемые нераздельно). С одной стороны, свет, разум, культура, сама цивилизация могут быть только на Западе, так что Россия, отставшая лет на двести, должна, напрягая все силы, устремиться вдогонку, оставив в прошлом мрачную архаику тирании, крепостничества, невежества и как можно полнее впитывая западную культуру. Цена такого ускоренного прогресса адептов Запада, как правило, не интересовала. С другой стороны, Россия, погрязшая в деспотизме, дикости, варварстве (западные авторы охотно писали об этом, а русские западники с восторгом соглашались), казалась радикально настроенным западникам вообще неспособной идти по западному пути — отсюда их раздражение против родной страны, доходившее порой до ненависти. Наиболее решительно настроенные интеллектуалы-западники доходили даже до идеи тотального разрушения России как неудачного проекта. «Как сладостно Россию ненавидеть и жадно ждать ее уничтожения!» — восклицал образованнейший человек, выпускник Петербургского университета, поэт, талантливый переводчик древнегреческих эпиграмм Владимир Печерин в своей поэме «Торжество смерти». В романе Достоевского «Бесы» именно Печерин был одним из прототипов Степана Трофимовича Верховенского, либерала 1840-х годов, учителя целой когорты «бесов».

² Успенская А. В. Античные рецепции в творчестве Гоголя: от трагедии к трагедии // Philologia Classica. Исследования по классической филологии и антиковедению: межвуз. сб. СПб., 2014. Вып. 9. С. 368–386.

Эти идеи успешно внедрялись в массы полубразованной публики. Еще Д. Фонвизин в своей комедии «Бригадир» иронизировал над ситуацией, когда часть молодого поколения брезгливо отворачивается от России: молодой дворянин Иван (не помнящий родства) прославляет Запад, жаждет жить в Париже и не хочет, чтобы его считали русским; его возлюбленная насыщает родной язык бесконечными смешными неологизмами, заимствованными из французского. В дальнейшем уроки западников привели к национальному и религиозному нигилизму 1860-х годов, ставшему, как и предвидел Достоевский, предвестником русской смуты.

В свою очередь славянофилы, отчасти из личных консервативных убеждений, отчасти остро реагируя на идеи западников, призывали к возвращению в допетровские времена, считая Запад источником дьявольских соблазнов или, по крайней мере, вольнодумства и безнравственности. Эти идеи были сильны еще на рубеже XVII–XVIII веков в среде староверов с их антипетровскими идеями. Петербург, любимое детище Петра I, которое воплощало для него лучшие черты Запада — торжество разума и прогресса, некий земной парадиз, они считали порождением царя Ирода, Антихриста, местом, где обитают силы зла. Это амбивалентное восприятие Петербурга, а вместе с ним и западного пути развития, predeterminedенного Петром I, прочно укоренилось в русской культуре. В пушкинском «Медном всаднике» возникает колоссальная фигура императора, не названного даже по имени: это больше чем царь, это «Он» — полубог, строитель нового мира, призванный «из тьмы лесов, из топи блат», из мирового хаоса поднять светлый мир гармонии и разума. Но уже через столетие фигура российского самодержавия принимает облик «кумира на бронзовом коне», то есть грозного идола, и подобно языческим идолам он требует человеческих жертв: «Ужасен он в окрестной мгле!» В творчестве Гоголя, особенно в «Петербургских повестях» российская столица окончательно обретает апокалиптический характер: здесь ветер дует со всех четырех сторон, здесь зима длится почти круглый год (подсчет времени мрака, холода и снега в «Шинели» дает около 9 месяцев). Наконец, в повести «Портрет», особенно в ее первой редакции, Петербург предстает городом неестественным, иррациональным, и именно здесь должен прорваться в мир Антихрист.

И все же в силу восприимчивости или, как сказал Достоевский, «всемирной отзывчивости» русской культуры западное влияние на нее все росло, а опасения славянофилов большинству казались надуманными и контрпродуктивными. Жуковский, Пушкин и многие другие русские классики совершили титанический труд, перенося на русскую почву лучшее из западной литературы, и читатели с восторгом знакомились с миром западных идей и образов. Архитекторы украшали Петербург лучшими образцами западной культуры. Российской интеллектуальной элите казалось, что страна наконец-то получила доступ в мировую сокоро-

вищницу, откуда можно бесконечно черпать еще неведомые ценности.

Но за такое сближение пришлось заплатить немалую цену. Ситуация изменилась, когда в Россию стали проникать европейские революционные идеи. Лишь немногие русские мыслители смогли оценить их истинное значение. Одним из первых об этом заговорил Ф. И. Тютчев, прекрасно знавший Запад и любивший его культуру. Он прожил там 22 года, вращаясь в высших интеллектуальных кругах политиков и философов. Размышляя о системе идей, охвативших Запад и движущихся на восток, он писал: «Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. <...> Революция, если рассматривать ее самое существенное и простое первоначало, есть естественный плод, последнее слово, высшее выражение того, что в продолжение трех веков принято называть цивилизацией Запада. Это вся современная мысль после ее разрыва с Церковью»¹.

Русофобия, охватившая Запад, по мнению Тютчева, вызвана усиливающимся антихристианским духом. (Примечательно, что в XX в. западный характер социалистических идей затухевывался и западной, и советской идеологией. Первородство русского социализма для идеологов СССР обеспечивалось его победой в России, Запад также вел крестовый поход против коммунизма, якобы имманентного России как Империи зла и абсолютно чуждого Западу.) Тютчеву казалось, что именно Россия могла бы противостоять антихристианским, богоборческим тенденциям Запада, все более погружающегося в кризис. Удивительно современно звучат его слова, завершающие статью «Революция и Россия»: «И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре — Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками...»²

Современникам, влюбленным в культуру и науку Запада, восхищавшимся его благоустроенностью и порядком, эти идеи казались маргинальными. Но западнические интенции элиты проложили широкую дорогу идеям социалистов. Россия стала первой страной, воплотившей их на практике. Если отбросить интернационалистскую риторику коммунистов 1920–1940-х годов, мечтавших о мировом пожаре, то выяснится, что русская революция — это логическое продолжение идей западников. Недаром одним из любимых лозунгов социализма был «Догнать и перегнать Запад!». Таким образом, идея «отставшей» на пути

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. М. : Классика, 2003. Т. 3. С. 180.

² Там же. С. 157.

мирового прогресса, ученически идущей по западному пути России была присуща и советскому проекту.

В постсоветскую эпоху идея ускоренной вестернизации и отказа от своих духовных устоев приобрела совершенно радикальный характер. То, что западная идея так легко прижилась в России, не свидетельствует ли о том, что в XX веке пути России и Запада, социализма и капитализма не так различны, как это кажется на первый взгляд?¹ Обеим системам свойственны идея прямолинейного прогресса, представление о «правильных, прогрессивных странах», идущих вперед быстрее других, и отстающих «неудачниках». Обеим свойственно отсутствие представления о многовариантности развития разных народов, проходящих период становления, развития, расцвета и угасания, хотя эта точка зрения многократно критиковалась разными исследователями (Данилевский, Шпенглер, Тойнби и др.²). Обоим проектам свойственна гиперурбанизация, общая технизация, механизация жизни, а затем и человеческих институтов и установлений, индустриализация, проводимая за счет деревни, уничтожение или деградация крестьянства. Заметим, что трагические события советской коллективизации происходили в тот же исторический момент (1929), что и американская Великая депрессия, согнавшая с земли миллионы фермеров. Можно привести и другие родственные черты обоих проектов: уничтожение обычаев, устоев сельскохозяйственной цивилизации, отрыв человека от природы, человеческая жизнь, приобретающая все более искусственный, симулятивный характер, торжество массовой низкопробной культуры и явный упадок культуры элитарной, наконец, жажда заменить несовершенный человеческий разум искусственным интеллектом. Запад и в этом обгоняет нас. Там кризис современной цивилизации яснее обнажает ее не просто антирелигиозные, но и античеловеческие основы: дальше зашло разрушение семьи как ячейки об-

щества (ювенальная юстиция, идеи чайлдфри, новая гендерная повестка, явно направленная против деторождения). Вместо этики труда — гедонизм, все большая причудливость в удовлетворении потребностей тела. Не означает ли это, что противопоставление капитализма и социализма, в сущности, оказывается искусственным? И выбор, в сети которого дважды за XX век попала Россия, был ложным выбором?

Цивилизации современного Запада около 500 лет, новая Россия насчитывает чуть больше 300 — и все это время она находилась в орбите западного влияния. Но становится очевидно, что на Западе нарастает всесторонний структурный кризис, о чем в последние десятилетия все настойчивее говорят не только российские, но и западные исследователи³. Работа О. Шпенглера «Закат Европы», встреченная когда-то с большим интересом, говорила не о завтрашнем дне, а о более долгой перспективе, поэтому ее многие перестали воспринимать всерьез, но в нынешней ситуации она вновь обретает актуальность. Может быть, впервые с петровских времен мы должны ощутить плюсы нашего отставания и перестать догонять Запад. Поиски Россией своего пути из интеллектуальной причуды славянофилов, приглашавших отпустить бороды и одеться в допетровское платье, оказываются актуальными на более серьезном уровне. Возможно, от этого зависит само выживание страны. Россия, вероятно, уже взяла у Запада все лучшее, что можно было взять, время ученического подражания прошло. И чем раньше мы откажемся от попыток догонять чужую цивилизацию и осознаем свою самодостаточность, свое истинное место в истории и современности, тем вернее мы избежим кризиса, уже явственно накрывающего Запад. В истории был подобный пример, когда Византия, отделившись от зашедшей в политический, экономический и нравственный тупик, погибающей Западной Римской империи, просуществовала еще тысячу лет.

¹ Шафаревич И. Зачем России Запад? М.: ЭКСМО: АЛГОРИТМ, 2005. С. 6–74.

² См., например: Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993; Тойнби А. Постигание истории: сб. / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.

³ Неизбежный кризис Запада предсказывал еще А. Тойнби в 12-томном труде «Постигание истории». См. также: Тойнби А. Дж., Хантингтон С. Ф. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: Алгоритм, 2016; Хантингтон С. Ф. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008; Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2007; Хазин М. Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. М.: Рипол-классик, 2017; Он же. Кризис и власть: в 2 т. М.: Рипол-классик, 2023.